

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У ДУНГАН КИРГИЗСТАНА И КАЗАХСТАНА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

МАДЖУН (МУСАРОВА)

Джамия Сулеймановна,

канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Центр дунгановедения и китаистики,
Национальная академия наук
Республики Кыргызстан
(720071, Киргизская Республика,
г. Бишкек, пр-т Чуй, 252-А).
E-mail: djamad1966@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль ислама в происхождении хуэй (дунган) Китая и жизни дунган Центральной Азии. На протяжении нескольких столетий ислам, в том числе через систему религиозного образования, оказывает значительное воздействие на материальную и духовную культуру, поведение и моральный облик дунган. Переселившись на территорию Российской империи в 80-х годах XIX в. и попав в среду единоверцев-мусульман, дунгане Семиречья были вовлечены в процесс формирования новой общности людей, оказывающих друг на друга влияние в сфере не только экономической, но и культурно-нравственной.

Ключевые слова: дунгане, мектеб, медресе, Семиречье, китайские мусульмане, ислам.

УДК 94(575.2)

DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-39-56

Дунгане (хуэй) сформировались в народность на территории Китая из местных и пришлых неханьских этносов и этнических групп. Процесс формирования хуэйской народности связан с проникновением в Китай мусульманской религии, которое шло двумя путями: по морю (VII–XII вв.) и по суше, через Туркестан (с XIII в.). Ислам консолидировал народы различного происхождения, прибывшие в Китай из разных стран мира, но исповедующие одну религию. Он стал основой развития национального самосознания и моральных ценностей дунганского народа. Под его воздействием формировались культурные традиции, идеология, нормы быта и морали, стереотипы поведения и мышления, а также материальная и духовная культура дунган. Ф. В. Поярков, говоря о роли ислама в жизни дунган, отмечал, что «выделением и обособлением своим дунгане в таком виде, в каком они в настоящее время представляются нам, исключительно обязаны мусульманству, без него невозможно не только их существование, но без него немислимо

было бы и самое появление их на свет божий, одним словом, магометанство родило дунган»¹.

Мусульмане-переселенцы принесли в Китай богатую арабскую культуру и высокие достижения в области науки, получили признание арабская астрономия, летосчисление, медицина, техника изготовления пушек, архитектура, искусство и др. Прибывшие мусульманские купцы и миссионеры были не только обеспеченными, но и грамотными. Для успешного ведения своих торговых дел им необходимо было знать и письмо, и арифметику, и астрономию, и прочие науки. Поэтому уже в период правления династии Южной Сун (1127–1279 гг.) в городах Гуанчжоу и Цюаньчжоу были открыты две школы для прибывших мусульман².

Самой просвещенной и влиятельной частью дунганского общества всегда были деятели религиозного культа, наиболее образованные из которых помимо религиозных знаний обладали еще и научно-философскими. Согласно канонам ислама религиозное образование детей должно начинаться с 5–6-летнего возраста, а для чтения Корана необходимо изучать арабское письмо. В одном из документов, датированных 1782 г., отмечается, что хуэйхуэй читают свои книги (имеется в виду Коран и другая мусульманская литература) со времени правления династий Тан и Сун³.

В середине XVII в. появляются первые рукописные и печатные сочинения мусульманских богословов на китайском языке, в которых излагалось догматическое и обрядовое вероучение ислама. Как отмечал Архимандрит Палладий, эти работы содержали интересную информацию об авторах и издателях книг, а также сведения по истории мусульманства в Китае, о мировоззрении и бытовой жизни хуэй. Основной целью религиозных трактатов являлось нравственное и моральное совершенствование носителей мусульманской веры и ограждение своей религии от нападок и насмешек китайцев. Помимо религиозной литературы у хуэй существовали работы в области астрологии, медицины, поэзии, литературы, географии, математики.

Мечеть, являясь основой жизнедеятельности дунганской религиозной общины, помимо функций сохранения и распространения идеологии ислама, его норм быта и морали выполняла также функции третейского суда, собирала население для решения текущих дел, обеспечивала его участие в различных религиозно-общественных мероприятиях.

¹ Поярков Ф. В. Материалы по истории, антропологии и этнографии каракунзских дунган и антропологии уйгуров // Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК). Инв. 336. Л. 31.

² Ма Чичен. Краткое описание о распространении исламской религии в раннем периоде (пер. с кит. В. Корякина) // Рукописный фонд Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики (РФ ЦДК НАН КР). Инв. 047. Л. 10.

³ Палладий, архимандрит. Китайская литература магометан. СПб., 1887. С. 44.

Мечеть не только использовалась для богослужений, проповедей и молитв, но и была местом собраний правоверных, в необходимых случаях становясь, по сути, своеобразным культурным центром дунганской общины¹. Соединение религиозной и социальной деятельности было особенностью мечети в Китае, что отличало ее от мечети западных исламских стран. Поэтому китайские мусульмане чаще называют мечеть «джама-ат» (место собрания), в других же странах она называется «масджид» (место молитвы).

В каждом мусульманском квартале функционировала одна или несколько мечетей, которые строились на средства мусульманского населения или на пожертвования богатых мусульман. Мечеть объединяла вокруг себя мусульманскую общину, насчитывавшую до нескольких десятков дворов.

Согласно исследованиям ряда китайских ученых в 762 г. по высочайшему повелению танского императора была построена цинчжэнсы (мечеть), которая стала, очевидно, одной из первых мусульманских мечетей в Китае. На протяжении последующих столетий строительство мечетей приобрело массовый характер, в Китае было воздвигнуто огромное число дунганских мечетей. Так, только в одном округе Хэчжоу провинции Ганьсу в XIX в. существовало более 1300 мечетей².

Одна из важных функций мечети — организация обучения и воспитания подрастающего поколения. Главной обязанностью мусульман является изучение Корана и религиозного учения ислама. Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Лучшими из вас являются те, кто изучает Коран и учит ему (других)»³. Поэтому развитие просвещения у дунган всегда было связано с исламом.

Открытие в Китае первой мусульманской школы при мечети китайские исследователи относят к середине правления династии Мин (XVI в.), с этого же времени начинается работа по переводу канонических книг ислама с арабского и персидского языков на китайский. Предпосылки, подготовившие эти исторические события, были следующие.

Напомним, что в период правления Юаньской династии (XIII–XIV вв.) мусульмане (хуэйхуэй) играли важную роль в экономической, политической и культурной жизни Китая, а их религия — ислам — находилась под защитой государства: для них открывались государственные религиозные училища, строились мечети. В этот период морем и по Шелковому пути прибывало огромное множество мусульман, в том числе ученые и миссионеры.

¹ Кафаров П. И. О магометанах в Китае // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 440–441.

² Васильев В. П. Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева. СПб., 1900. С. 11.

³ Сады праведных: Из слов господина посланников / Сост.: Имам Мухйи-д-дин Абу Закарий бин Шариф ан-Навави. М., 2001. С. 456.

Позже, в период правления Минской и Цинской династий (1368–1911 гг.), дунгане утратили свое влияние и былые привилегии, социальное положение их ухудшилось. С установлением запрета на морскую торговлю резко сократилось число образованных религиозных деятелей ислама, ощущался дефицит священных книг и религиозной литературы. Содержание религиозных трактатов и Корана стали непонятными и недоступными для дунган, освоивших китайский язык и утративших к этому времени знания арабского и персидского языков. Один из известных мусульманских деятелей Китая того времени писал по этому поводу: «Наша религия давняя, но ее приверженцы знают только, что они принадлежат к мусульманской вере, но не понимают ее сути, хотя наизусть знают трактаты Корана. Некоторые все же могут немного растолковать, порой выступают (перед аудиторией), но зачастую занимаются кривотолками, что крайне пугает людей»¹.

Политика самоизоляции Китая еще более способствовала усилению обособления и самостоятельного развития ислама в этой стране, где мусульманская религия приобрела ряд китаизированных черт.

В сложившихся условиях приобрел остроту вопрос о сохранении самостоятельного существования ислама в Китае. Для этого необходимо было, во-первых, подготовить образованных людей, знающих Коран и способных донести населению его смысл на китайском языке, и, во-вторых, начать работу по переводу и толкованию канонов ислама и мусульманской литературы на китайский язык.

Крупные исламские центры в провинциях Шэньси, Юньнань и г. Нанкине стали местом сосредоточения больших мечетей и высокообразованных ученых — исламоведов, деятелей религиозного культа. Начавшееся здесь внедрение религиозного обучения при мечетях получило широкое распространение. Учителем школы при мечети назначался ахун, который содержался жителями данного квартала.

В XVI в. в провинции Шэньси — известном центре ислама — ученый и педагог Ху Дэнчжоу ахун впервые разработал и внедрил систему религиозного обучения при мечети. Система имела три ступени: 1. Высшая — предназначалась для воспитания духовных деятелей (ахун); 2. Заочная — для обучения взрослых мусульман; 3. Начальная — для обучения детей. Основными предметами изучения были 13–14 канонических книг, включая Коран, святой наказ, и его толкование, познание Аллаха и учения ислама, грамматика арабского языка, философия религии, этика, литература и др.²

¹ Фэн Цзэнле. Лю Чжи и его книга «Тяньфаньданли» // В сб.: Ислам в Китае / пер. с кит. В. Корякина // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 051. Л. 12.

² Цзинь Ицзю. Общее описание ислама. Изд-во Цинхайчубаньшэ / пер. с кит. В. Корякина // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 021. Л. 7.

Представители мусульманского духовенства, являясь лидерами своих общин, стояли во главе всякого начинания — от постройки мечети до руководства восстаниями. В результате поражения самого крупного из них — Дунганского восстания 1862–1877 гг. — дунгане, спасаясь от преследований китайских карательных войск, добровольно переселились на территорию Семиречья. Среднеазиатские дунгане — потомки китайских беженцев хуэй, которые переселились в пределы Российской империи в 1877–1883 гг. В результате двух этапов переселения на территорию Туркестанского края, главным образом Семиреченской области, водворилось около 20 тысяч дунган, что составляло 0,7% всего населения края¹. Переселенцам была оказана материальная помощь — выдана государственная ссуда, отведены земли, большую помощь оказали различные русские благотворительные организации и местное население — киргизы, казахи и др. Сегодня на территории Киргизстана, Казахстана, Узбекистана и России проживает около 100 тысяч дунган.

Духовные лидеры приводили дунганские общины каждый своим путем на территорию Российской империи и обустроивали их, входя в сношения с русскими властями. На новых местах расселения лидеры духовенства практически в неизменном виде сохраняли ритуалы исламской религии, выработанные поколениями верующих тех районов Китая, откуда они прибыли.

Для управления мусульманским населением Туркестанского края российское правительство, терпимо относившееся к другим религиям, выработало специальное Положение, в основу которого были положены законы шариата. Деятели мусульманского культа в зависимости от их духовного звания — имам, мулла и др. — приравнивались к служителям Русской православной церкви в соответствии с их саном. Так, мулла был приравнен к священнику, его кандидатура утверждалась специальным постановлением областной администрации, и он прикреплялся к определенной мечети. Дунганским селением управлял волостной правитель, который обычно избирался сходом дунган. Так как глава мусульманского духовенства пользовался огромным авторитетом, именно от его решения во многом зависело, кто будет волостным правителем. Поэтому ни одного решения в селе не принималось без согласования с представителями духовенства.

Переселившись на территорию Киргизии и Казахстана в 70–80-х гг. XIX в. и оказавшись в среде мусульман-единоверцев, дунгане легко восприняли некоторые элементы их материальной и духовной культуры, в частности, это коснулось системы и методов религиозного обучения. В России, как и в Китае, дунганская мечеть, помимо совершения

¹ Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. 5. С. 273–274.

богослужений и проповедей, решения бытовых и семейных споров, сбора средств в счет погашения государственной ссуды, следила за выполнением дунганами воинской повинности решала другие повседневные вопросы. Основной же функцией мечети оставалось распространение религиозных знаний и элементарной грамоты, обучение и воспитание подрастающего поколения. Для популяризации и толкования мусульманской науки, обучения нормам быта и морали, обрядовым ритуалам ислама при мечетях открывались мусульманские школы (щүэтон), подобные мектебам и медресе тюркских народов Средней Азии и Казахстана.

Точное количество мектебов, действовавших у семиреченских дунган, было трудно определить даже современникам. Данные об их количестве и числе учащихся крайне противоречивы. Это отчасти объясняется тем, что многие из мектебов носили временный характер. Учителя русско-дунганской школы селения Каракуруз (с. Масанчи, Казахстан) В. Цибузгин и А. Шмаков в 1908 г. писали, что дунгане-переселенцы после возведения собственных жилищ обычно силами и средствами нескольких семейств выстраивали молитвенный дом. Они отмечали, что «приход такого молитвенного дома составляют только члены этих семейств. Мулла содержится иждивением своих прихожан. Отправляя службу, мулла в то же время обучает дунганских детей религиозным основам ислама в школе, находящейся почти при каждом молитвенном доме. Число учеников бывает неодинаково. В иной набирается до 25 мальчиков, в другой — не более 3 человек. Учатся в школе лет по восьми. Строго держат уразу»¹.

Количество молитвенных домов и служивших в них мулл было довольно внушительным в дунганских селениях. С момента переселения и обустройства и до Октябрьской революции постоянно строились мечети и молитвенные дома. Так, в 80-х гг. XIX в. в селении Каракуруз насчитывалось 48 мечетей, при которых функционировали школы грамоты, с числом учащихся от 10 до 20 в каждой². А через десятилетие в том же селении на 684 двора было уже 56 молитвенных домов, которые обслуживало вдвое большее число мулл³, то есть на каждые 12 дворов приходился один молитвенный дом и по два религиозных служителя.

Программ и методик обучения не существовало, срок обучения и начальный возраст учеников строго не регламентировался, посещение мектеба дети обычно начинали с 6–7-летнего возраста, и учеба иногда продолжалась 4–8 лет.

Обычно под мектебы приспособляли пустующие, плохо освещенные помещения, в которых не было достаточного количества свежего

¹ Цибузгин В., Шмаков А. Заметки о жизни дунган селения Каракуруз Пишпекского уезда Семиреченской обл. // Записки Семипалатинского подотдела Западно-сибирского отдела Императорского РГО. Вып. 4. 1909. С. 3–67.

² Поярков Ф. В. Описание селения Каракуруз и его окрестностей // ФРПК НГБ РК. Инв. 376. Л. 6.

³ ЦГА Киргизской Республики. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 5.

воздуха и тепла. Ученики располагались на циновках, прямо на глиняном полу, перед небольшими скамейками, на которых лежали учебники. Ахун находился в центре класса, вызывая по одному ученику, или занимался с группой, проверяя знания и давая каждой группе или отдельному ученику свое задание. Во время занятий в классе было довольно шумно, так как каждый ученик выкрикивал то, что ему было задано учителем. Н. С. Лыкошин писал: «Далеко слышно, где помещается туземный “мактаб”. Прохожего поражает нестройный гомон детских голосов, нараспев выкрикивающий арабские фразы, и диву дается он, как можно, принимая участие в таком гвалте, усвоить что-нибудь и не оглохнуть окончательно»¹.

Процесс обучения дунганских детей проходил в несколько этапов. На первом ученики заучивали арабский алфавит и знакомились с правилами чтения. Арабские буквы ахун писал обычно на костях-лопатках коровы (щянбанзы), служивших одновременно и школьной доской, и тетрадь. Каждый раз, перед тем как приступить к чтению Священной книги — Корана, — требуется совершить омовение, которое предшествует также ежедневной пятикратной молитве (намаз). После обучения правилам омовения, приступали к чтению Корана и заучивали несколько сур, прежде всего — молитву, произнесение которой должно содействовать в успешном обучении. Дети, обучавшиеся в мектебе, получали представления о сущности ислама, о Боге, добре и зле, о загробной жизни. По достижении 10–12-летнего возраста дунганские дети уже были знакомы с основными мусульманскими обязанностями и наравне со взрослыми соблюдали их — держали пост и совершали ежедневные молитвы. Детей также знакомили с запрещенными шариатом поступками, такими как убийство невинного, употребление алкоголя, распутство, азартные игры, воровство, употребление свиного мяса.

Через систему низшего религиозного обучения проходили почти все дети школьного возраста. Мусульманский мектеб соответствовал существовавшей системе общественно-экономической жизни дунганского села и до начала 80-х годов XIX в. являлся единственной формой обучения дунган. Он не развивал умственных и творческих способностей детей, но и не ломал устоявшихся патриархальных отношений и даже способствовал их консервации. Пройдя обучение в мектебе, мальчик 12–13 лет имел довольно бессистемные и отрывочные знания в области религиозной науки, главное, что выносил ребенок из своего учения, — моральные и нравственные нормы поведения. Мектеб воспитывал скромность и вежливость, почитание старших, честность в отношениях между людьми.

¹ Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Пг., 1916. Вып. 1. С. 225.

Дореволюционные исследователи, описывая характер дунган-переселенцев, неоднократно отмечали трудолюбие, взаимовыручку этого народа. Запрет ислама на употребление табака, опиума и спиртных напитков определял здоровый образ жизни дунганских селений.

Строительство мечетей, молитвенных домов и сама система обучения дунган были такими же, как в Китае. Показательна автобиографическая справка одного из участников дунганского восстания, записанная в 1873 г. А. Ивановым. Дунганин Ислам Ходжа, родившийся в 1840 г. в Кашгаре, рассказывал о своем обучении в религиозной школе, которую он начал посещать с шести лет, следующее: «За мое обучение отец (купец) платил в медресе — иногда мукою и баранами, а иногда давал немного денег, но определенной платы условлено не было. Книги по большей части были духовные. Учили меня в медресе читать, писать и счислению до одной тысячи. Через 3 года я хорошо выучился читать и писать, тогда отец взял меня домой и посадил в лавку торговать (у отца было 12 жен в разных городах и 31 ребенок)»¹.

По окончании мектеба юноша, пожелавший принять духовный сан, держал экзамен перед членами сельской общины и, если доказывал свою ученость, избирался муллою (суй ахун), становился учителем мектеба или кандидатом на замещение духовных должностей. Те немногие из учеников, которые успешно освоили курс мектеба, могли продолжить религиозное обучение в медресе (дацүә) — высших мусульманских школах. В 1913 г. дунганами Семиреченской области в с. Александровском было построено три мечети, при них медресе, в Николаевском (Каракуруз) — две мечети, при них медресе².

Примитивный характер традиционных методов обучения и воспитания молодого поколения был обусловлен низким уровнем социально-экономического развития не только дунганской общины, но и других народов Туркестанского края, научная мысль здесь находилась еще в зачаточном состоянии. Азы грамоты, получаемые в мектебе, не находили применения в повседневной жизни дунган, и потому быстро забывались. Обучение в мектебе ограничивалось механическим заучиванием сур Корана, смысл же прочитанного часто оставался недоступным для учащихся. Современники отмечали, что «развития сильного мусульманского фанатизма между дунган нет уже потому одному, что не только людей ученых, знающих язык Корана, но и просто грамотных, даже по-китайски, между ними очень мало. Так, между имеющимися в Токмакском уезде кульджинскими дунганами только двое грамотны. В Джаркенте грамотных оказалось пять»³.

¹ Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. СПб. Вып. 2. 1873. С. 152.

² Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области. Верный, 1913. С. 122, 130.

³ ФРРК НБ РК. Инв. 63. Л. 93.

Позитивная роль дунганских мусульманских традиционных школ грамоты состояла в том, что они не ломали сложившихся веками отношений, не отрывали население от своих корней, языка и культуры. Ислам, в том числе через религиозные учреждения, на протяжении многих столетий способствовал сохранению национальной самобытности, специфических национальных обычаев, религиозно-нравственных норм, стереотипов поведения и мышления дунганского народа. Н. Остроумов писал по этому поводу: «Одну хорошую сторону прививает мусульманский мактаб своим ученикам — внешнюю порядливость, сопровождающуюся скромностью и почтительностью... Другую хорошую сторону составляет то, что он не разрушает в учащихся детях семейных правил и традиций, не прививает им новых привычек и потребностей и таким образом не отрывает туземцев от бытовой обстановки, вследствие чего и не окончившие курс в мактабе возвращаются в свою среду с неизвращенными представлениями о жизни и спокойно принимаются за свой личный труд, соответственно жизненным устоям своей семьи»¹.

В годы советской власти считалось, что единственная причина сохранения старометодных мектебов и медресе при царизме заключалась в том, что они воспитывали народные массы в духе смирения и покорности властям. Однако предпочтительной представляется трактовка В. Наливкина, который отмечал: «Как ни велики были отрицательные стороны деятельности книжников, за ними были и большие общественные заслуги: они воспитывали туземную толпу в сознательном представлении о совершенной необходимости общественного порядка, законности и общественной дисциплины. Благодаря им взаимные отношения людей отличались сдержанностью и вежливостью, а многотысячная народная толпа, собиравшаяся в городах во время праздников, не оставляла желать ничего лучшего в отношении благочиния и благопристойности»².

Действительно, до революции общественный порядок обеспечивался в основном религиозными институтами. Не касаясь политической стороны вопроса, отметим лишь, что мусульманское духовенство, в том числе и через религиозные школы грамоты, сдерживало темноту и невежество масс нравственными нормами поведения.

Приступив к колонизации Туркестанского края, русская администрация столкнулась с проблемами, решением которых Россия никогда прежде не занималась. В XIX в. Туркестан относился к самым отсталым странам мусульманского мира как в экономическом, так и в культурно-образовательном плане. Сильная приверженность исламу, иногда

¹ Остроумов Н. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. СПб., 1906. Ч. 1 (февраль). С. 40.

² Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 35.

граничащая с фанатизмом, резкое неприятие других вероисповеданий, почти полная неграмотность большинства местных народов, своеобразные восточные нравы и обычаи, господство мусульманских религиозных институтов права — все это крайне осложняло задачу культурного преобразования края, решение которой было необходимо для укрепления позиций России в Туркестане.

Российские власти не имели четкого представления о способах культурного преобразования края, а тем более выработанной программы по его осуществлению. Основные направления культурной политики в крае определялись высшими должностными лицами, направляемыми в Туркестан правительством. Они оказали известное позитивное влияние на развитие процесса культурных преобразований, одновременно предопределив всю его противоречивость и непоследовательность.

Одним из таких лиц был барон К. П. фон Кауфман — генерал-губернатор края в 1867–1882 гг. В отличие от своих предшественников, он прекратил всякие официальные сношения с мусульманскими учреждениями края, игнорируя мусульманское духовенство и мусульманские учреждения, в том числе учебные. Осознавая примитивный характер мусульманской школы и ее неспособность дать учащимся необходимое светское образование, Кауфман предполагал, что игнорирование мусульманских школ государством приведет к тому, что туземная школа исчезнет сама собой, как только будут учреждены современные школы грамоты для русских и местных народов «соответственно духу времени и потребностям государства, без всякого конфессионального характера и без посягательства на религиозные убеждения мусульман»¹.

Но первые попытки реализации предложенного метода — совместного обучения детей русских и местных народов — обнаружили его ошибочность. Русское население и народы Туркестана жили обособленно друг от друга, к тому же недоверие к русской школе усиливалось, поскольку там преподавали основы христианской религии. Неудивительно, что местные народы полностью игнорировали русские школы.

В этих условиях возник вопрос о необходимости реорганизации мусульманских школ путем введения в них преподавания государственного русского языка и придания конфессиональной школе светского характера. Наиболее яростными противниками нововведений выступали муллы, преподававшие в них и оказывавшие огромное влияние на местное население, в том числе на дунган. Потому и эта попытка российской администрации создать национальную школу потерпела неудачу.

Одним из условий российского правительства при разрешении беженцам-дунганам переселиться в пределы России было устройство и содержание за их счет школ для обучения детей русскому языку и грамоте.

¹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Изд. АН СССР, 1927. С. 124.

Так, в 1883 г. в Каракунузе жили 674 семьи дунган. В 1885 г., после расселения и обустройства, дунгане с. Каракунуз на собственные средства построили и оборудовали русско-туземную школу. 22 августа 1894 г. начала работать школа в с. Мариинском (Ырдык, Киргизстан), содержащаяся дунганской общиной, в 1911 г. здесь же была построена школа на 3 тыс. рублей¹. Подобные русско-дунганские школы функционировали во всех районах компактного проживания дунган, в том числе в с. Александровском Пишпекского уезда.

Открытие русско-дунганских школ было сопряжено с большими трудностями материального характера. Так, в начале XX столетия в Семиреченской области существовало 13 русско-туземных школ, 8 из которых были открыты для уйгуров и дунган. В среднем на содержание одной школы казной выделялось от 300 до 400 руб. в год. Недостаток средств стал причиной отсутствия необходимых условий для занятий и острой нехватки учителей. Плата учителю и средства на содержание школы взималась со всего трудоспособного населения дунганской общины в возрасте от 18 до 55 лет, независимо от наличия детей².

Трудности материального характера усугублялись откровенным нежеланием дунган учить детей в новых школах. В первое время обучение велось только русскими учителями по программе и учебникам, разработанным для русских училищ, — книгам для чтения С. М. Граменицкого и Д. И. Тихомирова, задачника С. М. Граменицкого и А. И. Гольденберга.

Потому даже под сильным нажимом местных властей в эти школы удавалось привлечь только небольшую часть дунганских детей. Так как у детей не было возможности общаться с русскими, а в школах отсутствовала программа, рассчитанная на местное население, полный курс обучения проходили лишь немногие дети, но полученные ими знания, не находя применения в жизни, быстро забывались. Даже по окончании школы дети, если и могли читать по-русски, не понимали смысла прочитанного, т. е. практически не овладевали русским языком.

В сложившихся условиях стало очевидным, что без реорганизации системы обучения местных народов программа российского правительства по культурному преобразованию края может быть блокирована. Жизнь настоятельно требовала бережного отношения к национальным и религиозным чувствам среднеазиатских народов, учета уровня их экономического и культурного развития.

Вместе с тем проникновение в край более передовых, капиталистических отношений, необходимость его экономического и культурного освоения вынуждала к созданию определенной прослойки из

¹ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1347. Л. 8.

² Обзор Семиреченской области за 1903 г.: Приложение ко всеподданнейшему отчету. Верный, 1904. С. 51.

представителей местного населения, владеющей русской грамотой и языком. Она должна была стать связующим звеном между русской администрацией и населением Туркестана, чтобы способствовать распространению влияния русских властей в крае. Поэтому российское правительство начинает более активные действия по расширению и укреплению сети начальных русско-туземных школ и предпринимает ряд мер по повышению доверия местных народов к ним.

Преобразования в процессе просвещения народов Туркестана начались с подписания Высочайшего указа от 20 июня 1886 г., которым разрешалось открывать в крае русско-туземные школы и определять в них учителей из местного населения. В школах вводились, помимо русского языка и арифметики, уроки религиозного воззрения и родной грамоты, которые должен был проводить местный мулла. В 1887 г. вышла инструкция для заведующих русско-туземными училищами Туркестанского края, в которой рекомендовалось «самое гуманное обращение с учащимися и совершенное устранение каких-либо наказаний их, а иметь с тем мягкость в сношениях с туземцами, уважение к их религии и обычаям»¹. Русским учителям рекомендовалось изучать местные языки и обычаи, обеспечивать свободный допуск в училище посетителей местного населения. На уроках рисования предлагалось избегать изображения одушевленных предметов, так как это не одобрялось мусульманской религией.

Учеников в русско-туземной школе обучали два учителя — русский и местный мулла — по два часа в каждом классе. В отличие от старометодных и новометодных мектебов, все школы работали по единой программе, разработанной в 1887 г. и усовершенствованной в 1910 г.

Обстановка «туземного» класса, как и содержание обучения, ничем не отличалась от мектеба. В «русском» же классе дети сидели не на полу, а за партами, обучение здесь велось на русском языке. Низкое качество обучения, отсутствие условий для применения полученных знаний, трудности быта приводили к тому, что около половины учащихся русско-туземных школ бросали учебу, абсолютно забыв то не многое, что было ими получено.

Но все же к началу XX столетия наблюдался определенный рост числа русско-туземных школ и учащихся в них, однако посещаемость оставляла желать лучшего. Так, в 1913 г. в с. Александровском числилось 276 дунганских детей школьного возраста, из них в школе учились только 19 мальчиков и 3 девочки (т. е. около 8,1%), в с. Каракунуз — 411 детей, из них учились 25 мальчиков (или 6,1%), в с. Мариинском (Ирдык) из 212 детей посещали школу только 19 (или 8,9%)².

¹ Граменицкий С. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916. С. 14.

² Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (По свед. на 1 янв. 1913 г.). Верный, 1913. С. 122, 130, 142.

Таким образом, в 1913 г. системой русско-туземных школ было охвачено в среднем 7,6% сельских дунганских детей. Причины столь низкой популярности этих школ — в крайне скудной материальной базе. Мизерность ассигнования на образование со стороны государства (расход государственного казначейства на просвещение в Туркестане составлял 8,7 коп. на душу населения, в то время как общий расход по Российской империи равнялся 20,1 коп. на душу¹) вызывала дополнительные расходы на эти цели из земских, городских, общественных средств, что означало введение дополнительных сборов и налогов с населения.

Сама система обучения не была достаточно продуманной, не было создано условий для применения полученных в школе знаний. Выпускники школ не пользовались какими-либо привилегиями при поступлении на должности и не находили возможности употребления полученных знаний в жизни.

Отсутствие необходимых для туземных классов учебников и пособий на родном и русском языках, школьного оборудования, четкой программы обучения, рассчитанной на мусульманских детей, слабая подготовленность педагогического персонала, из которого многие не имели даже среднего образования, незнание ими местного языка — все это препятствовало усвоению русского языка и общеобразовательных предметов.

Свободное отправление богослужений, проповедей и молитв, а также религиозное обучение молодого поколения у дунган происходило вплоть до 20-х гг. XX в. С утверждением в среднеазиатских республиках советской власти начинают активно проводиться мероприятия по отделению школы от религии и ограничению влияния духовенства на все стороны жизни. Наибольшего накала государственное воздействие против представителей национальной интеллигенции, зажиточных слоев населения и представителей православного и мусульманского духовенства достигло в конце 20-х – 30-х гг. Все мечети, молитвенные дома, мектебы и медресе были закрыты, а религиозные служители подверглись репрессиям.

В начале 40-х гг. старики нескольких дунганских селений обращались в Москву, в союзные и местные органы власти с просьбой разрешить верующим открыть мечети или молитвенные дома. В 1943 году, по воспоминаниям старожилов, людям преклонного возраста было разрешено совершать богослужение. В том же году в ряде дунганских сел (Милянфан, Александровка и др.) открылись мечети и началось относительное возрождение мусульманской общины: под контролем и с дозволения государственных органов в селах разрешалось открывать мечети для людей пожилого возраста, но участие молодежи

¹ ЦГА Узбекистана. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 53а. Л. 17.

в деятельности религиозной общины строго запрещалось. В открывавшихся в селах центральных мечетях проводилась обязательная для всех мусульман пятничная молитва с участием всех верующих села, а для проведения ежедневных пятикратных молитв использовались комнаты в домах сельчан или строились молитвенные дома, которые находились на полулегальном положении.

В следующие десятилетия изучение богословия и исламских канонов, а также отправление богослужений были поставлены под строжайший контроль государства, в каждом районе при райисполкоме существовал отдел, контролирующий работу религиозных организаций. Нередки были случаи, когда очередная приезжавшая комиссия без объяснения причин закрывала действующую мечеть или молитвенный дом. Неудивительно, что в дунганских селениях на протяжении нескольких десятилетий преобладающее число ахунов были малограмотными самоучками, а, начиная с 60-х гг. немногие грамотные деятели мусульманского культа в основном приезжали из Китая. Поэтому в 60–70-е гг. почти все имамы дунганских мечетей в Киргизии и Казахстане являлись выходцами из Китая. Исключение составлял, пожалуй, единственный дипломированный имам мечети в Джамбуле Месирахун, коренной житель Казахстана. Он закончил медресе в г. Бухаре в 60-х гг., а в 70-х гг. — духовный институт в г. Ташкенте при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, и в самые трудные годы тоталитарного режима, и позже, вплоть до середины 1980-х гг., представители дунганского духовенства продолжали отстаивать чистоту ислама, призывая людей к добру и удерживая от зла.

Качественно новый этап в развитии ислама, связанный с его возрождением, наступил на постсоветском пространстве с началом перестройки, когда верующие получили возможность свободного исполнения богослужений, более глубокого изучения сути мусульманской религии и осмысленного ее понимания. В начале 90-х гг. ежегодно в села Киргизии и Казахстана, в том числе и в дунганские села, приезжали на *дават* мусульманские проповедники из Саудовской Аравии и Пакистана. Они призывали людей встать на путь ислама и обратиться к Аллаху, приглашали к себе на родину всех желающих изучать Коран в медресе. К 2010 г. более 250 юношей из Киргизии и Казахстана обучались в Пакистане, из них около 150 человек — дунгане, несколько дунган обучались в исламских институтах в Египте, Сирии и Саудовской Аравии. Ежегодно многие киргизы, казахи и дунгане с семьями ездили в Пакистан и Индию на дават, чтобы глубже постичь истину исламской веры и законы Всевышнего Аллаха.

Возвращаясь на родину из арабских стран, выпускники исламских институтов поддерживают тесный контакт между собой, организуют

даваты по селам Киргизии и Казахстана, в общем призыве к Всевышнему Аллаху сближая мусульманские народы Центральной Азии — киргизов, казахов, узбеков, дунган, даргинцев, аварцев и др.

С конца 80-х гг. и по настоящее время во всех дунганских селениях и местах компактного проживания верующие строят десятки мечетей и молитвенных домов. Почти при всех мечетях открываются медресе для мальчиков, летние лагеря и женские группы для изучения основ ислама. Так, если в с. Сартобе (Шор-Тюбе, Казахстан) в 60-х гг. прошлого века не было ни одной мечети, а пятничный намаз совершали у кого-нибудь дома или в поле, то сегодня в селе функционирует 18 мечетей. Почти при каждой есть медресе или женские и мужские группы по изучению ислама. Все больше молодых людей заканчивают высшие духовные образовательные учреждения в Киргизстане, Казахстане и за рубежом (Пакистан, Ливан, Малайзия, Турция, ОАЭ и др.). После окончания медресе и исламских институтов многие из выпускников работают в медресе или создают группы при мечетях, где передают свои знания односельчанам. Традиционно сильные позиции ислама в местах компактного проживания дунган служат надежным иммунитетом против различных нововведений в исламе, единичные проявления которых, если и имеют место, немедленно встречают яростное сопротивление всей общины.

Таким образом, вся многовековая история дунганского народа со времени его формирования как народности до наших дней неразрывно связана с исламом. Именно мусульманская религия не позволила дунганам ассимилироваться в людском океане Поднебесной империи. Вместе с киргизами, казахами, узбеками, русскими и другими среднеазиатскими народами дунгане пережили трагические и славные страницы истории, сохранив свой язык, культуру и религию.

Благодаря нынешней политике независимых государств Казахстана и Киргизстана, верующие дунгане имеют возможность более глубокого познания религии Истины, призывающей людей к благочестию, разумной праведности поведения, смирению и терпимости, способствуя установлению доброжелательных и добрососедских отношений между народами Центральной Азии.

Литература и источники

Бай Шоу-и. Происхождение дунганского народа. Шанхай, 1951 / пер. с кит. В. Корякина // Рукоп. фонд Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Киргизской Республики (РФ ЦДК НАН КР). Инв. 051. 185 л.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Изд. АН СССР, 1927. 256 с.

Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева. СПб., 1900. 164 с.

Граменицкий С. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916. 159 с.

Записка о переселении кульджинских оседлых мусульман в Семиреченскую область // Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК). Инв. 63. 67 л.

Кафаров П. И. (Палладий) О магометанах в Китае // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. С. 436–452.

Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Пг., 1916. Вып. 1. 415 с.

Ма Чичен. Краткое описание о распространении исламской религии в раннем периоде / пер. с кит. В. Корякина // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 047. 78 с.

Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. СПб. Вып. 2. 1873. 573 с.

Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. 144 с.

Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (По свед. на 1 янв. 1913 г.). Верный, 1913. 209 с.

Обзор Семиреченской области за 1903 г.: Приложение ко всеподданнейшему отчету. Верный, 1904. 56 с.

Палладий, архимандрит. Китайская литература магометан. СПб., 1887. 334 с.

Поярков Ф. В. Материалы по истории, антропологии и этнографии каракунuzских дунган и антропологии уйгуров // Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК). Инв. 336. 138 л.

Поярков Ф. В. Описание селения Каракунuz и его окрестностей // ФРРК НБ РК. Инв. 376. 128 л.

Сады праведных : Из слов господина посланников / Сост.: Имам Мухийд-дин Абу Закарийа бин Шариф ан-Навави. М., 2001. 879 с.

Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. 5. 1000 с.

Фэн Цзэнле. Лю Чжи и его книга «Тяньфаньданли» // Ислам в Китае / пер. с кит. В. Корякина // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 051. 78 л.

Цзинь Ицзю. Общее описание ислама. Изд-во Цинхайчубаньшэ / пер. с кит. В. Корякина // РФ ЦДК НАН КР. Инв. 021. 167 с.

Цибузгин В., Шмаков А. Заметки о жизни дунган селения Каракунuz Пишпекского уезда Семиреченской обл. // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского РГО. Вып. 4. 1909. С. 3–67.

References and sources

Bay Shou-i (1951). *Proishozhdenie Dungsanskogo Naroda* [The Origin of the Dungan People]. Shanhay. Manuscript of Center Dungan and Chinese Studies of the National Academy of Science of the Kyrgyz Republic (RF CDK NAN KR). Inv. 051. 185 p. (In Russian).

Bartold V. (1927). *Istoriya Kulturnoy Zhizni Turkestana* [The History of the Cultural Life of Turkestan]. Leningrad: Edition of Academy of Science of USSR]. 256 p. (In Russian).

Vasiliev V. (1900). *Otkrytiye Kitaya i drugiye statyi akademika V.P. Vasilieva* [The Opening of China and Other Articles of Academician V. P. Vasilyev]. St. Petersburg. 164 p. (In Russian).

Gramenitskiy S. (1916). *Polozheniye Inorodcheskogo Obrazovaniya v Syr-Darynskoj oblasti* [Situation with native Education in the Syr-Darya Region]. Tashkent. 159 p. (In Russian).

Zapiska o Pereselenii Kuldzhinskih Osedlyh Musulman [Note on Resettlement of Kuldja Muslims Settled in the Semirechensk area]. Manuscripts and rare books of the National Library of the Republic of Kazakhstan (FRRK NB RK). Inv. 63. 67 p. (In Russian).

Kafarov P. (1866). O Magometanah v Kitae [About Mohammedans in China]. *Trudy Chlenov Rossiyskoy Duhovnoi Missii v Pekine* [Proceedings of the Members of the Russian Spiritual Mission in Beijing]. St. Petersburg. Vol. 4. Pp. 436–452. (In Russian).

Lykoshin N. S. (1916). *Polzhizni v Turkestane: Ocherki byta tuzemnogo naseleniya* [Half of life in Turkistan: Essays on the life of the native population]. Petrograd. Vyp. 1. 415 p. (In Russian).

Ma Chichen. *Brief Description of the Propagation of Islam in the Early Period*. RF CDK NAN KR. Inv. 047. 78 p. (In Russian).

Materialy Dlya Statistiki Turkestanskogo Kraya [Materials for the Statistics of Turkestan]. (1873). Yearbook. Vyp. 2. St. Petersburg. 573 p. (In Russian).

Nalivkin V. (1913). *Tuzemcy Ranishe i Teper* [The Natives Before and Now]. Tashkent. 118 p. (In Russian).

Niedzwiecki V. (1913). *Administrativnoe ustroistvo, Osedlye Puncty i Kochevye Volosti Semirechenskoy Oblasti* [Administrative Structure, Settled Points and Nomadic Parish Semirechensk Area]. Vernyi. 209 p. (In Russian).

Obzor Semirechenskoy oblasti za 1903 g.: Prilozhenie ko vsepoddanneyshemu otchotu (1904). [Overview Semirechensk region for 1903: Appendix to humbly report]. Vernyi. 56 p. (In Russian).

Palladius, Archimandrite (1887). *Kitayskaya literature magometan* [Chinese literature of Mohammedans]. St. Petersburg. 334 p. (In Russian).

Poyarkov F. V. *Materialy poistorii, antropologii i ethnographii karakunuzskih Dungan i antropologii Uighurov* [Materials on the history, anthropology and ethnography karakunuzskih Dungan and Uighur anthropology]. FRRK NB RK. [Manuscripts and rare books of the National Library of the Republic of Kazakhstan]. Inv. 336. 138 p. (In Russian).

Poyarkov F. V. *Opisaniye seleniya Karakunuz i ego okresnostey* [Descriptions of the village Karakunuz and its surroundings]. FRRK NB RK. Inv. 376. 128 p. (In Russian).

Sady pravednykh (2001). [Gardens of the righteous]. Comp. : Imam Muhyi-d-Din Abu Zakariya Bin Sharif Al-Nawawi. Moscow. 879 p. (In Russian).

Semenov P. (1885). *Geographicheskoe-Statisticheskoy slovar Rossiyskoy imperii* [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. St. Petersburg. T. 5. 1000 p. (In Russian).

Feng Tszenle. *Liu Zhi i ego kniga "Tyanfan Danley"* [Liu Zhi and his book "Tyanfan Danley"]. V sb.: *Islam v Kitae* [In Sat.: Islam in China]. Translated from Chinese by V. Koryakin. RF CDK NAN KR. Inv. 051. 78 p. (In Russian).

Jin Itszyu. *Obshee opisanie islama* [General description of Islam]. Izdatelstvo Qinghai Chuban. Translation from Chinese by V. Koryakin. RF CDK NAN KR. Inv. 021. 167 p. (In Russian).

Tsibuzgin V., Shmakov A. (1909). Zаметки о жизни дунган селения Каракунуз Пшпекского уезда Семиреченской области [Notes of Life in Dungan Village Karakunuz in Pishpek County of Semirechensk Region]. *Zapisky Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo RGO* [Notes of Semipalatinsk section of the West-Siberian department of the Imperial RGO]. Vol. 4. Pp. 3–67. (In Russian).

*The World of Islam in Asia and Africa:
Historical Traditions and Modernity*

ISLAMIC EDUCATION OF DUNGAN IN KYRGYZSTAN AND KAZAKHSTAN: PAST AND PRESENT

**Djamilya S. MADZHUN
(MUSAROVA),**

PhD (History), Senior Researcher
Academy of Science of Kyrgyzstan,
Center of Dungan and Chinese Studies
(265-A Chuy prosp., Bishkek, 720071,
Kirghiz Republic).
djamad1966@mail.ru

Abstract. The article discusses the role of Islam in the origin of Hui (Dungan) of China and in the life of Dungan of Central Asia. After resettlement into the Russian Empire in the 80-ies of the XIX century, Dungan were involved in the formation of a new cultural community.

The development of Islamic education in Kyrgyzstan and Kazakhstan passed several historical stages. At this stage, Islamic education of Dungan has lost its Chinese features and has become close to the world of Islamic educational system.

Keywords: Dungan, Mekteb, Madrasahs, Semyrechye, Chinese Muslims, Islam.

UDC 94(575.2)

DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-39-56

